

оригинальная статья

eLibrary EDN: GFBJFS

Роль губернаторов в системе российского федерализма в 2010–2024 гг. (на примере регионов Сибирского федерального округа)

Чирун Сергей Николаевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 1195-2355

<https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

sergii-tschi@mail.ru

Горбунов Константин Игоревич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Аннотация: Цель – проанализировать трансформацию института губернаторов в России в 2010–2024 гг. на примере Сибирского федерального округа, а также оценить влияние федерального центра на их статус и функции. Рассмотрены ключевые изменения в законодательстве, включая ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021, который укрепил вертикаль власти, ограничив политическую автономию регионов. Особое внимание уделено механизмам избрания губернаторов, включая *муниципальный фильтр*, а также их взаимодействию с федеральным центром, региональными элитами и местными органами власти. На примере Кемеровской области – Кузбасса, Иркутской и Новосибирской областей исследуются различия в управленческих моделях, влияние экономических факторов на политическую устойчивость губернаторов и роль федеральных инструментов контроля (финансовых, кадровых, силовых). Обнаружены тенденция к унификации регионального управления и снижение самостоятельности губернаторов, несмотря на их формально широкие полномочия. Доказана взаимосвязь экономического положения регионов и политической устойчивости губернаторов, где кризисные явления напрямую влияют на стабильность региональной власти. Современные тенденции, включая внедрение системы KPI и усиление силового контроля, свидетельствуют о дальнейшем укреплении вертикали власти при одновременном поиске баланса между централизацией и необходимостью учета региональной специфики.

Ключевые слова: губернаторы, федерализм, централизация власти, муниципальный фильтр, региональная элита, политическая регионалистика, Сибирский федеральный округ

Цитирование: Чирун С. Н., Горбунов К. И. Роль губернаторов в системе российского федерализма в 2010–2024 гг. (на примере регионов Сибирского федерального округа). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 1. С. 1–18. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-1-18>

Поступила в редакцию 05.07.2025. Принята после рецензирования 22.09.2025. Принята в печать 22.09.2025.

original article

Governors in Russian Federal System: A Case Study of Siberian Federal Region in 2010–2024

Sergey N. Chirun

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 1195-2355

<https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

sergii-tschi@mail.ru

Konstantin I. Gorbunov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Abstract: The article examines the political functions and status of governors in the context of centralized federalism in Russia in 2010–2024 using the example of the Siberian Federal District. Such legislative changes as Federal Law No. 414-FZ (Dec. 12, 2021), which strengthened the power vertical and limited regional political autonomy. The analysis covered gubernatorial election mechanisms, e.g., the so-called *municipal filter*, as well as interactions between the federal government, regional elites, and local authorities. The authors compared

Kemerovo, Irkutsk, and Novosibirsk regions, namely their governance models and the impact of economic factors on governors' political stability. The comparative analysis also featured the financial, personnel-related, and coercive tools of federal control. The research revealed the trend toward uniform regional governance: the autonomy of governors is eroding, even as their official mandates remain extensive. The local economic situation correlates with the political stability of governors while crisis phenomena directly affect the stability of regional authorities. The reinforcement of the power vertical is driven by the system of Key Performance Indicators. The top-down monitoring continues to advance, though it must still navigate the tension between central mandates and territorial diversity.

Keywords: governors, federalism, centralization of power, municipal filter, regional elite, political regionalism, Siberian Federal District

Citation: Chirun S. N., Gorbunov K. I. Governors in Russian Federal System: A Case Study of Siberian Federal Region in 2010–2024. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 1–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-1-18>

Received 5 Jul 2025. Accepted after review 22 Sep 2025. Accepted for publication 22 Sep 2025.

Введение

Изучение роли губернаторов в системе российского федерализма представляет значительный научный и практический интерес, т.к. эти должностные лица являются ключевыми акторами в управлении регионами, обеспечивая взаимодействие между федеральным центром и субъектами Российской Федерации. В условиях усиления централизации власти, особенно после конституционной реформы 2020 г. и принятия ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021, статус и полномочия губернаторов претерпели существенные изменения. Это отразилось на их политической автономии, механизмах избрания и взаимодействии с федеральными и региональными элитами. Особую актуальность данная тема приобретает в контексте Сибирского федерального округа (СФО), где сочетаются разнообразные социально-экономические условия и политические практики, что позволяет выявить как общие тенденции, так и региональную специфику.

Цель исследования – проанализировать трансформацию института губернаторов в России в 2010–2024 гг. на примере регионов СФО, а также оценить влияние федерального центра на их статус и функции. Задачи: изучить законодательные изменения, которые регулируют статус и полномочия губернаторов, включая механизмы их избрания и отстранения от должности; проанализировать взаимодействие губернаторов с федеральными органами власти, региональными элитами и местным самоуправлением; выявить особенности управления в субъектах СФО на примере Кемеровской области – Кузбасса, Иркутской и Новосибирской областей, в том числе влияние экономических факторов на политическую устойчивость губернаторов; оценить такие инструменты и механизмы

влияния федерального центра на глав регионов, как финансовые рычаги, кадровая политика и силовой контроль. Использованы сравнительный анализ нормативно-правовых актов, статистических данных и кейс-стади по выбранным регионам. Также применены институциональный и системный подходы, позволяющие рассмотреть эволюцию губернаторского корпуса в контексте централизации власти и изменения федеративных отношений.

Проведенное исследование позволит глубже понять динамику взаимодействия между федеральным центром и регионами, а также выявить ключевые тенденции в развитии института губернаторов в современной России.

Результаты

Прямой статус губернатора на региональном уровне определяется уставом субъекта, обладающим юридическим верховенством в региональной системе. В некоторых регионах, включая Кемеровскую область, за уставом закрепляется статус как основного закона.

Прямые выборы губернаторов сопровождаются механизмом *муниципального фильтра*, который представляет собой обязательный сбор подписей для самовыдвижения кандидатов. Для участия в выборах претенденту необходимо заручиться поддержкой 5–10 % депутатов местных органов власти и получить одобрение в трех четвертях муниципальных районов и городских округов субъекта Российской Федерации. Согласно ФЗ № 40-ФЗ от 02.05.2012, губернаторы избираются путем всеобщего, равного и прямого голосования при тайном волеизъявлении, при этом кандидаты обязаны собрать подписи не только граждан, но и представителей

муниципальной власти¹. Эта процедура и называется *муниципальным фильтром*.

Правовую основу муниципального фильтра формируют ФЗ № 184-ФЗ от 06.10.1999 и ФЗ № 67-ФЗ от 12.06.2002. Наибольший интерес представляет ст. 18 ФЗ № 184-ФЗ, которая определяет ключевые особенности данного механизма. Так, основные требования включают обязательную поддержку кандидата 5–10 % депутатов местных органов власти, а также правило, согласно которому каждый депутат может подписаться только за одного претендента². В Постановлении ЦИК России № 128/986-6 от 13.06.2012 указано, что, если одно лицо поддержало нескольких кандидатов, действительной считается только самая ранняя подпись³. Это делает поддержку других претендентов бессмысленной и создает инструмент как для ограничения нежелательных кандидатов, так и для отсева недостойных претендентов, что одновременно усложняет процесс выдвижения.

Муниципальный фильтр создает значительные препятствия для кандидатов. Это вызывает неоднозначные оценки, а аргументы в его пользу выглядят неубедительно. В международной практике аналогов этому механизму для выборов глав регионов нет. Единственным частичным сходством обладает французская система регистрации кандидатов в президенты, где требуется собрать 500 подписей депутатов из не менее чем 30 разных департаментов. Однако это составляет лишь чуть более 1 % от общего числа возможных подписантов (более 45 тыс.), а традиции политического плюрализма позволяют парламентам поддерживать кандидатов с различными идеологическими взглядами.

Федеральный закон позволяет регионам самостоятельно устанавливать количество депутатов и глав муниципалитетов, соблюдая при этом установленные нормативы. Согласно ст. 37 ФЗ № 67-ФЗ от 12.06.2002, самовыдвиженец должен собрать

от 0,5 % до 2 % подписей избирателей региона⁴. Максимальный порог (2 %) установлен в Камчатском крае, Тульской области и Санкт-Петербурге, а в остальных он составляет либо 1 %, либо 0,5 %. Проверку подписей проводит рабочая группа избирательной комиссии, которая решает вопрос о регистрации кандидата.

В 2016 г. произошел переход к *гибридной модели* назначения губернаторов, когда С. В. Кириенко стал новым главой Администрации Президента, отвечающим за назначения на посты руководителей регионов. Переход к гибридной системе подразумевает применение двух механизмов отбора глав субъектов РФ: через прямые выборы и региональный парламент [1]. При этом выборы проводятся законодательным органом из числа трех кандидатов, предложенных Президентом РФ⁵. К примеру, выборы губернаторов в 2018 г. состоялись 16 декабря, в результате чего назначены главы 26 регионов страны. Тем не менее уже в 2017 г. была внедрена новая схема смены губернатора, которая включала отставку, назначение временно исполняющего обязанности и его последующее утверждение на должности [2].

При непрямых выборах глав автономных округов действуют несколько фильтров (муниципальный, партийный, президентский и губернаторский), ограничивающих число кандидатов [3]. Парламентские партии выдвигают до трех претендентов за 60 дней до выборов, затем губернатор области отбирает не менее пяти и направляет их Президенту РФ⁶. Он вносит кандидатуры в региональный парламент, где голосование проходит тайно, как, например, предусмотрено Законом Ненецкого автономного округа № 400-ОЗ от 29.05.2018. В итоге избирается кандидат, поддержанный большинством депутатов, которое зачастую представляет партию власти, формируя многоуровневую систему выборов с отлаженным механизмом. В 2013–2021 гг. эта процедура

¹ О внесении изменений в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». ФЗ № 40-ФЗ от 02.05.2012 (ред. От 21.12.2021). *СПС КонсультантПлюс*.

² Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ. ФЗ № 184-ФЗ от 06.10.1999 (с изм. на 21.12.2021). *СПС Кодекс*.

³ О Методических рекомендациях по приему и проверке подписных листов с подписями избирателей в поддержку выдвижения (самовыдвижения) кандидатов на выборах, проводимых в субъектах РФ. Постановление ЦИК России № 128/986-6 от 13.06.2012. *СПС Кодекс*.

⁴ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ. ФЗ № 67-ФЗ от 12.06.2002 (ред. от 29.12.2025). Ст. 37. Сбор подписей в поддержку выдвижения кандидатов, инициативы проведения референдума. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵ Курсков Е. История выборов и назначений руководителей субъектов РФ. Досье. ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/2156698> (дата обращения: 09.02.2025).

⁶ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ. ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021. Ст. 24. Особенности представления кандидатур для избрания высшего должностного лица автономного округа, входящего в состав области, депутатами законодательного органа автономного округа. *СПС КонсультантПлюс*.

применялась 23 раза, при этом уровень одобрения не опускался ниже 61 %, а в трех случаях кандидаты получали единогласную поддержку.

Отмена выборности губернаторов автономных округов не получила четкого обоснования. Аргумент о рисках выборов в нефтегазовых регионах из-за международной обстановки несостоятелен, т.к. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа не характеризуются протестным голосованием, сильной оппозицией или независимой прессой. Ямало-Ненецкий автономный округ традиционно считается одним из самых управляемых регионов и относится к *электоральным аномалиям* по явке и поддержке партии власти. Кроме того, возникает противоречие со ст. 5 Конституции РФ, которая гарантирует равноправие субъектов⁷, тогда как участие одного губернатора в назначении другого ставит это равенство под сомнение.

Федеративная система России предусматривает различные способы избрания глав регионов с учетом их историко-политических особенностей, однако это способствует не столько разнообразию, сколько усилению асимметрии внутри федерации [4; 5].

Законодательство, которое регулирует деятельность глав регионов и губернаторов в России, закрепляет их статус как руководителей исполнительной власти, отвечающих за взаимодействие с федеральным центром [6; 7]. Ключевым нормативным актом является ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021, который наделяет губернаторов широкими полномочиями в сфере государственной политики, бюджетного регулирования и правопорядка. Однако этот же закон предусматривает механизмы ограничения их политической автономии через систему непрямых выборов и возможность увольнения за утрату доверия президента. Региональные уставы конкретизируют полномочия губернаторов с учетом местных особенностей. Избрание глав субъектов осуществляется двумя основными способами, где важную роль играет муниципальный фильтр как инструмент регулирования политической конкуренции.

Губернатор остается ключевой фигурой в политической системе России, несмотря на изменения в его статусе. Он определяет распределение власти, формирует систему госуправления и влияет на региональный политический режим [8]. В удаленных от центра субъектах его роль особенно значима из-за ограниченных возможностей оперативного

контроля [9]. Кроме того, губернатор играет центральную роль в социально-экономическом развитии региона, координируя работу местных органов власти. Его эффективность напрямую влияет на реализацию национальных целей, что делает губернаторский корпус важнейшим элементом государственного управления [10; 11]. В этом контексте основное внимание уделяется следующим аспектам:

1. Исполнительная власть на региональном уровне: управление губернаторами исполнительными органами, распределение ресурсов и контроль за выполнением социальных и экономических программ.

2. Взаимодействие с муниципальными и региональными структурами: координация работы с местными органами власти, влияние на деятельность муниципалитетов и контроль за реализацией поставленных задач⁸.

3. Политическая автономия и ответственность (степень самостоятельности губернаторов в проведении политики и защите интересов региона) [12].

4. Федерализм в России играет важную роль в системе разделения властей и закреплен в Конституции РФ. За годы своего существования он прошел различные этапы развития [13]. Уникальность российского федерализма заключается в разнообразии субъектов, что отражается в системе политических институтов и органов государственного управления на региональном уровне, а также в наименованиях органов власти местного самоуправления [14].

Однако именно территориальное многообразие и асимметрия федерации нередко становятся причиной конфликтов и противоречий между регионами и Федеральным центром. Это особенно заметно в ходе реформ федеративных отношений в постсоветский период, когда наблюдалось стремление к унификации и сокращению политической автономии [15].

Современные федеративные отношения начали формироваться с 1991 г., когда была установлена исполнительная власть в регионах в качестве местной администрации, подчиненной президенту, но на практике действовавшей самостоятельно. В дополнение к этому, Б. Н. Ельцин издал Указ Президента РСФСР № 75 от 22.08.1991, в котором назначил главу администрации на должность руководителя региональных исполнительных органов и вновь ввел институт губернаторов, отсутствовавший

⁷ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

⁸ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ. ФЗ № 131-ФЗ от 06.10.2003 (ред. от 20.03.2025). СПС КонсультантПлюс.

в советский период⁹. Важно отметить, что на формирование первых федеральных отношений значительное влияние оказала политическая реформа 1988 г., которая привела к разделению властей, устранению партийного контроля над советскими законодательными органами власти и созданию структур, существовавших наряду с первыми секретарями и Бюро обкомов КПСС.

Политико-административные реформы, проведенные В. В. Путиным, сыграли значительную роль в формировании современных федеративных отношений. Их основная цель заключалась в укреплении государственной власти и создании единого правового пространства путем приведения регионального законодательства в соответствие с федеральными нормами, что имеет ключевое значение для полноценного развития федерализма. В рамках этих реформ были отменены прямые выборы глав регионов, сформированы федеральные округа и изменен порядок избрания в Совет Федерации. Данные меры были направлены на усиление федерального контроля в региональной политике [16].

Реформа федеративных отношений началась с создания федеральных округов и назначения уполномоченных представителей Президента РФ, которые напрямую подчинялись главе государства и стали частью Администрации Президента. Это расширило их полномочия, ослабляя влияние губернаторов и региональных элит, чьи обязанности были нечетко сформулированы¹⁰. В результате представители Президента РФ превратились в ключевые фигуры в политической и экономической системе регионов, что спровоцировало конфликты с губернаторами [17]. Исключением стал СФО, где благодаря Л. В. Драчевскому противостояний удалось избежать. Одним из наиболее ярких примеров конфронтации стало противостояние губернатора Э. Э. Росселя и полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе П. М. Латышева, которое закончилось признанием губернатором приоритетной роли представителя президента.

Важными реформами стали отмена прямых выборов губернаторов и изменение порядка формирования Совета Федерации. Ключевым моментом в этом процессе стало принятие ФЗ № 159-ФЗ

от 11.12.2004, который внес поправки в ФЗ № 184-ФЗ от 06.10.1999 и ФЗ № 113-ФЗ от 05.08.2000¹¹. Согласно новым положениям, главы регионов стали избираться законодательными собраниями по представлению президента, что ослабило влияние верхней палаты парламента. Если ранее в ее составе были губернаторы, то теперь туда входят два представителя от законодательного и исполнительного органов власти субъекта РФ, назначенные губернатором, которого, в свою очередь, назначает президент. Это вызвало дискуссии о легитимности Совета Федерации как представительного органа.

Анализ этих реформ показывает, что они направлены на усиление централизации и снижение децентрализации в рамках асимметричной федерации, которой является Россия. Это противоречит федерализму как политическому принципу, т.к. ограничивает автономию регионов, сводя их роль к исполнению делегированных полномочий¹².

В условиях усиления централизации губернаторы утрачивают самостоятельность, превращаясь в административные элементы системы. Такие управленцы легко перемещаются внутри управленческой структуры, что напоминает сталинские практики управления. С 2016 по 2019 гг. в 46 регионах сменилось 50 руководителей, 47 из которых были назначены. В 2016 г. СМИ стали называть таких губернаторов *молодыми технократами* [18].

Говоря о моделях избрания глав регионов и роли муниципального фильтра, стоит отметить избирательные кампании, которые проходили с момента внедрения муниципального фильтра. Так, в 2012–2017 гг. в каждом регионе прямые выборы проходили минимум один раз. В 2012–2015 гг. в России было проведено примерно 57 избирательных кампаний глав субъектов РФ, для которых характерны два основных тренда, свидетельствующих о формировании закрытого типа политических элит [19; 20]:

1) множество кандидатов не стали выдвигаться из-за муниципального фильтра, поэтому абсолютное большинство избирательных кампаний прошли спокойно;

2) в это время наблюдался устойчивый рост числа людей из административной среды со значительным опытом в органах государственной власти

⁹ О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР. Указ Президента РСФСР № 75 от 22.08.1991. СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Институт полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе. *РИА Новости*. 13.05.2010. URL: <https://ria.ru/20100513/233515444.html> (дата обращения: 14.02.2025).

¹¹ О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. ФЗ № 113-ФЗ от 05.08.2000 (с изм. на 17.10.2011). СПС КонсультантПлюс.

¹² Смирнягин Л. В., Бусыгина И. М. Российский федерализм. М.: МГИМО, 2010. 75 с. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).

на региональном уровне с последующим переходом на должности федерального уровня.

Такое преобразование в методах рекрутирования свидетельствует о тенденциях, способных оказывать влияние на политическую динамику [21; 22]. Это также акцентирует внимание на значении карьерного развития административных сотрудников, которое может стать ключевым фактором в будущих изменениях управления как на региональном, так и на более высоком уровнях. К тому же это доказывает политическую природу муниципального фильтра.

Несмотря на ограничение политической автономии, губернатор остается ключевой фигурой региональной политики, выполняя важные функции: взаимодействие с федеральной властью, влияние на законодательный процесс и определение приоритетов работы правящей партии или той, к которой он принадлежит. Его роль как политического актора реализуется через взаимодействие с элитами, бизнесом и гражданским обществом [23–25].

Отношения между губернаторами и федеральной властью носят сложный характер: федеральный центр избегает равноправных договоренностей, т. к. они предполагают партнерство и уважение. В результате за последние 25 лет губернаторы превратились из самостоятельных лидеров своих регионов в политических менеджеров. Как нами упоминалось ранее, с 2016 г. начал формироваться усредненный образ губернатора *молодой технократ*. Согласно аналитическому обзору Minchenko Consulting, временно исполняющие обязанности губернаторов становятся фаворитами внутривластных дискуссий. Указанное к 2017 г. фактически гарантировало им поддержку на выборах, несмотря на сопротивление местных элит¹³. По данным РБК, на выборах 2024 г. во всех регионах лидеры имеют трехкратное преимущество над соперниками, а большинство победителей – действующие губернаторы или врио от «Единой России» либо участники, поддержанные партией¹⁴. Конфликты неизбежны, т. к. контроль над формированием региональной власти перешел к федеральным министерствам и силовым структурам.

Политическая устойчивость губернатора во многом зависит от его отношений с федеральной властью [13]. Эксперты фонда «Петербургская политика» выделяют положительные (визиты президента или премьер-министра в регион и их встречи с губернатором) и отрицательные (проблемы с правоохранительными органами) факторы, которые влияют на этот показатель. На практике конфликты с силовыми структурами часто свидетельствуют о напряженных отношениях с центром¹⁵. Так, в 2019 г. Тамбовская область заняла последнее место в рейтинге устойчивости после ареста вице-губернатора Г. И. Чулкова по делу о мошенничестве. Показателен и случай в Кемеровской области, где за год до ухода губернатора А. Г. Тулеева были арестованы его заместители, обвиненные в вымогательстве 51 % акций АО «Разрез "Инской"» на сумму в 1 млрд руб. Сам А. Г. Тулеев заявлял о давлении на него в связи с этим делом¹⁶. В то же время высокие позиции в рейтинге устойчивости занимают экономически развитые регионы, способные лоббировать свои интересы и привлекать внимание федеральных чиновников.

Патронаж стал основным предиктором ротации российских губернаторов после возвращения прямых выборов в 2012 г. [24, с. 257]. Его важность обуславливается тем, что характеристика патронажа региональных глав во многом отражает структурные особенности политической элиты и экономической системы. Патронаж со стороны федеральных элит заставляет губернаторов укреплять связи на федеральном уровне, что снижает риск отставки и повышает шансы на продвижение в федеральные структуры. Ярким примером является нынешний министр энергетики РФ и бывший губернатор Кемеровской области С. Е. Цивилев. 27 февраля 2018 г. он встретился с президентом, а уже 1 апреля этого же года был назначен врио главы региона. Его политическая устойчивость оставалась высокой: второе место в рейтинге в 2018 г. и третье – в 2023 г.¹⁷ В период его руководства регион получил 51 млрд руб. федерального финансирования в рамках программы

¹³ Аналитический обзор хода губернаторских кампаний в России. М.: Minchenko Consulting, 2017. Вып. 1. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Obzory_gubery/Analiticheskiy_obzor_hoda_gubernatorskih_kampaniy_v_Rossii_Ch.11.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁴ Филипенко А. Действующие губернаторы и врио вырвались в лидеры во всех регионах. *РБК*. 08.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/09/2024/66dde1c49a794704ed04549f> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁵ Кузнецова Е. Эксперты оценили устойчивость губернаторов и их отношения с Москвой. *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/3/2021/6047711b9a794757a7739332> (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁶ Эксперты рассказали о последствиях ареста заместителей Тулеева. *РИА Новости*. 10.03.2021. URL: <https://ria.ru/20161115/1481443058.html> (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁷ Рейтинг политической устойчивости губернаторов «Госсовет 2.0». М.: Minchenko Consulting, 2018. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Gossovset_2.0_sentyabr_2018_final.pdf (дата обращения: 22.02.2025).

социально-экономического развития до 2024 г.¹⁸ В 2024 г. С. Е. Цивилев был переведен на федеральный уровень с положительной оценкой его работы, однако, как отмечает Наталья Зубаревич, экономическое развитие региона при нем осталось на уровне времен А. Г. Тулеева¹⁹.

Взаимодействие главы региона и Законодательного Собрания строится по консолидированной модели, при которой основные властные полномочия сосредоточены в одном органе, чаще всего в руках губернатора. Он обладает широкими полномочиями и практически не зависит от Законодательного Собрания, т.к. ключевую роль для него играет поддержка федерального центра [25]. В то же время парламент региона не имеет значительной политической автономии и народной поддержки. Это подтверждается совмещением выборов губернатора и депутатов, которое в 2023 г. реализовали в трех областях²⁰. Формально такие решения объясняются экономией бюджета, однако низкая явка на выборах показывает слабый интерес граждан к деятельности депутатов в региональном парламенте.

В большинстве региональных парламентов наблюдается политическая монополия, преимущественно принадлежащая партии «Единая Россия» [26]. При этом губернатор, как правило, состоит в той же партии, что и парламентское большинство, что обеспечивает ему комфортные условия для реализации законодательных инициатив, выдвижения кандидатов и согласования ключевых назначений²¹. Партия, в свою очередь, получает поддержку административного ресурса и укрепляет свои позиции. Однако такая система приводит к имитационной многопартийности, при которой региональные законодательные собрания не столько избираются, сколько наделяются полномочиями [27].

Партийная принадлежность губернатора оказывает значительное влияние на состав и расклад сил в региональном парламенте. При смене главы региона

нередко меняется и партия большинства в Законодательном собрании. Так, при губернаторе С. Г. Левченко партия (КПРФ) получала финансирование на медиатизацию своей деятельности в парламенте через государственные контракты на 5,2 млн руб.²² Однако после его ухода и назначения И. И. Кобзева, который сначала шел как самовыдвиженец, а затем вступил в «Единую Россию», ситуация изменилась. На выборах в Законодательное собрание Иркутской области в 2023 г. «Единая Россия» набрала 54,6 % голосов, тогда как КПРФ – лишь 15,47 %, потеряв более половины прежней поддержки²³. Этот случай демонстрирует заинтересованность федерального центра в укреплении позиций союза губернаторов и партий большинства даже в протестных регионах, что стало тенденцией и в других субъектах России.

Отношения губернатора с элитами зависят от степени демократичности регионального политического режима, который исторически формирует степень централизации управления [28]. По мнению Р. Ф. Туровского, для сохранения централизованной модели губернатор должен обеспечивать финансово-административный контроль над местными властями. Наличие таких ресурсов определяет уровень конфликтов с региональным парламентом и органами местного самоуправления [6]. В недемократичных режимах, где губернатор сосредоточил все ресурсы, у элит остается выбор: либо войти в его команду, либо покинуть регион²⁴. В таких случаях основные проблемы у губернатора чаще возникают в отношениях с федеральными властями, как это наблюдалось в деле арестованных заместителей А. Г. Тулеева.

В демократических политических режимах взаимодействие губернатора с элитами отличается высокой конфликтностью и необходимостью достижения консенсуса. Одним из ключевых факторов этого процесса является борьба за доминирующее положение между «Единой Россией» и КПРФ.

¹⁸ Переселение из аварийного жилья, социальные объекты, улучшение экологии: что даст Кузбассу федеральное финансирование. *Национальные проекты России*. 09.12.2021. URL: <https://np.ako.ru/press-tsentr/zhile-i-gorodskaya-sreda/pereselenie-iz-avariynogo-zhilya-sotsialnye-obekty-uluchshenie-ekologii-chto-dast-kuzbassu-federalno/> (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁹ Левчук А. «Что он тут сделать сможет?»: спросили экспертов, что ждет Кузбасс после ухода Цивилева и какой губернатор нам нужен. *NGS42.RU*. 15.05.2024. URL: <https://ngs42.ru/text/politics/2024/05/15/73574264/> (дата обращения: 22.02.2025).

²⁰ Гармоненко Д. Совмещенные выборы остаются полем для разменов. *Независимая*. 11.04.2023. URL: https://www.ng.ru/politics/2023-04-11/1_8703_elections.html (дата обращения: 23.02.2025).

²¹ Ольшанников А. Зачем губернаторам разрешили возглавлять реготделения «Единой России». *URA.RU*. 05.11.2019. URL: <https://ura.news/articles/1036279084> (дата обращения: 23.02.2025).

²² Губернатор Левченко получил из бюджета Иркутской области 5 миллионов рублей на PR КПРФ. *Дзен*. 29.01.2019. URL: <https://dzen.ru/a/XE8R-JxX6QcMfQR?via> (дата обращения: 23.02.2025).

²³ Единороссы победили на выборах в иркутское Заксобрание по итогам обработки протоколов. *TACC*. 11.09.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18704927> (дата обращения: 23.02.2025).

²⁴ Мазур А. Режим Тулеева. Почему Кузбасс не похож на другие регионы Сибири. *Carnegie*. 02.04.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75949> (дата обращения: 26.02.2025).

Например, в начале работы губернатора С. Г. Левченко его отношения с Законодательным собранием, где большинство принадлежало «Единой России», были напряженными. С приходом в 2019 г. губернатора И. И. Кобзева большинство голосов избирателей получила КППФ (33,94 % голосов и 18 мандатов), и компромиссным решением стало назначение единокорса спикером парламента²⁵. Однако к 2025 г. у губернатора наметился конфликт с застройщиками из-за непоследовательности решений. По словам руководителя аналитического департамента Minchenko Consulting Кирилла Петрова, предстоящая избирательная кампания 2025 г. будет для губернатора сложной, т. к. в гонке, вероятно, примет участие С. Г. Левченко²⁶.

Губернатор продолжает играть ключевую роль в региональной политике России, сочетая управленческие и представительные функции. Однако усиление контроля со стороны федерального центра привело к тому, что его политико-административная роль свелась к функции посредника, отвечающего за координацию взаимодействия между федеральными властями, региональными элитами и населением. Это способствовало распространению образа *молодого технократа* среди глав регионов, который представляет собой управленца, ориентированного на исполнение поставленных задач [2].

Представительная функция губернатора позволяет ему формировать региональную повестку, отстаивать интересы местных сообществ и доносить их позицию до федеральных органов. Кроме того, он активно стремится к консолидации элит и поддержанию постоянного диалога с обществом, используя социальные сети и цифровые платформы для вовлечения граждан в процесс управления регионом и реализации социально-экономических инициатив.

Губернаторы СФО и их функционирование в политической системе РФ

Институт губернаторов в регионах СФО берет начало в 1991 г. с введения должности главы администрации. Официальное же его преобразование состоялось 23 июня 1997 г. За этот период он прошел значительную эволюцию, отражая общие тенденции развития губернаторского института в России, несмотря на региональные особенности.

На его формирование существенно повлиял характер политического режима. В Иркутской и Новосибирской областях сложились более демократичные модели управления, тогда как в Кемеровской области доминирует недемократичный режим, демонстрирующий даже более выраженные авторитарные черты по сравнению с общероссийской тенденцией. Это оказывает значительное влияние на специфику функционирования института губернатора в регионе.

Как отмечалось ранее, губернатор обладает более низким политико-правовым статусом и меньшим числом закрепленных в Уставе области полномочий (в Кемеровской области – 17, в Омской – 13). Однако это может быть связано с их недостаточной детализацией, т. к. в Иркутской и Новосибирской областях полномочий насчитывается 25 и 29 соответственно. Кроме того, статус губернатора зависит от положения региона в федеральном округе. Даже в рамках одного округа различия могут быть значительными. Так, Новосибирская область является ведущим регионом СФО, что повышает статус ее губернатора и расширяет его полномочия. Именно такие регионы становятся центрами интеграции и экономического объединения, формируя вокруг себя *полюса роста* [29]. В перспективе это может позволить региону возглавить проекты социально-экономического развития нескольких субъектов СФО, тогда как Кемеровская область вряд ли сможет претендовать на такую роль.

Во многих регионах СФО не сложилась преемственность власти, что обусловлено различными факторами. Рассмотрим их на примерах Иркутской, Новосибирской и Кемеровской областей.

Иркутская область считается одним из самых демократичных регионов России, набрав 28,5 балла в рейтинге демократичности субъектов РФ за июль 2020 г., основанном на итогах ЕДГ 2019 г.²⁷ Губернатор С. В. Ерошенко, представляя федеральный центр, вел борьбу с парламентом, значительно ограничив его влияние. Это противостояние отразилось на выборах губернатора 2015 г., что привело к редкому для России феномену *второго тура*. Во втором туре явка выросла с 29,20 % до 37,22 % главным образом за счет мобилизации оппозиционных избирателей. В Иркутске она увеличилась на 16,49 %, достигнув 41,39 %, что почти вдвое больше, чем на выборах в думу города (18,33 %)

²⁵ Вестник Избирательной комиссии Иркутской области № 9 (222), ред. И. В. Дмитриев. Иркутск: Избирательная комиссия Иркутской области, 2018. 250 с. URL: http://www.irkutsk.izbirkom.ru/etc/2018/vestnik_9-2018.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

²⁶ Власова К. «Шансы определяет Кремль». Сможет ли Игорь Кобзев переизбраться губернатором Иркутской области – разбор. *IRCITY.RU*. 05.02.2025. URL: <https://ircity.ru/text/politics/2025/02/05/75064202/> (дата обращения: 26.02.2025).

²⁷ Индекс демократичности субъектов РФ июль 2020 года. *LiveJournal*. 09.07.2025. URL: <https://vybory-91.livejournal.com/2653676.html> (дата обращения: 25.03.2025).

и Законодательное собрание области (20,40 %) годом ранее. С. Г. Левченко имел особенно сильные позиции в Иркутске, а команда С. В. Ерошенко не учла ошибок первого тура.

В период губернаторства С. Г. Левченко возникали конфликты с федеральными элитами, проявлявшиеся в различных сферах. Во-первых, его руководство сопровождалось значительным экономическим ростом: в 2015–2017 гг. валовой региональный продукт (ВРП) увеличился с 1,001 трлн руб. до 1,192 трлн руб.²⁸ Победа на выборах и успехи в экономике сигнализировали о нежелании региона подстраиваться под назначенцев из федерального центра. Кроме того, он открыто критиковал национальные проекты, что, по мнению Александра Шатилова, объяснялось его стремлением использовать протестные настроения и избегать продвижения инициатив, ассоциируемых с «Единой Россией»²⁹. В итоге в 2019 г. он был официально отправлен в отставку из-за неудовлетворительных мер по борьбе с наводнениями и лесными пожарами. Сам губернатор обвинял федеральный центр, утверждая, что выделенные средства не могли быть использованы из-за отсутствия необходимых постановлений и распоряжений правительства³⁰.

После отставки С. Г. Левченко губернатором Иркутской области был назначен И. И. Кобзев, не имевший ранее связей с регионом. Изначально он позиционировал себя как самовыдвиженец, однако позже вступил в партию «Единая Россия», хотя ранее подчеркивал свою беспартийность. Как отмечает политолог Сергей Шмидт, это было инициировано федеральным центром, заинтересованным в продвижении популярных в обществе фигур в партию власти³¹. В рейтинге «Медиалогии» среди губернаторов СФО И. И. Кобзев занял девятое место, а уже в 2020 г. вышел на первое и с тех пор стабильно удерживается в тройке лидеров, конкурируя с губернатором Кемеровской области С. Е. Цивилевым за лидерство в округе³².

Одной из причин отсутствия преемственности власти стали внутриэлитные конфликты в администрации области. В 2012–2014 гг. пост губернатора

Новосибирской области занимал В. А. Юрченко, однако 17 марта 2014 г. он был отправлен в отставку Президентом РФ в связи с утратой доверия. Примечательно, что В. А. Юрченко был местным политиком и не входил в число губернаторов-«варягов», что являлось редкостью для региональной политики. Однако он не был преемником предыдущей администрации и находился в конфликте с командой своего предшественника, В. А. Толоконского. Одним из его первых решений стало отстранение ряда сотрудников, лояльных В. А. Толоконскому, а также уход нескольких высокопоставленных чиновников, включая министра строительства и ЖКХ В. А. Анисимова и министра здравоохранения О. В. Агеева³³. Эта кадровая политика вызвала резкую критику со стороны В. А. Толоконского, который считал, что она подрывает преемственность власти.

Внутриэлитный конфликт и недостаток преемственности в управлении привели к назначению большого числа «варягов» на управленческие позиции, что отражает не только проблему нехватки кадров, но и раскол в региональной элите. К примеру, отставка министра транспорта Н. Н. Симонова была вызвана ухудшением репутации губернатора, связанным с отменой безлимитного проезда и нежеланием министра принимать критику. Кроме того, транспортная сфера и дороги традиционно подвергаются жесткой критике со стороны жителей Новосибирской области. Такая кадровая политика не могла сформировать сплоченную команду единомышленников и преодолеть раскол внутри местной элиты.

В 2017 г. на пост губернатора Новосибирской области был назначен губернатор-«варяг» А. А. Травников. Его назначение стало неожиданным, т. к. изначально в качестве вероятных кандидатов рассматривались председатель Законодательного собрания А. И. Шимкив и первый заместитель губернатора В. Ф. Городецкого Ю. Ф. Петухов, которые являлись влиятельными местными политиками. Назначение вызвало неоднозначную реакцию, вплоть до негативной. Например, начальник департамента культуры, спорта и молодежной политики мэрии г. Новосибирска

²⁸ Итоги деятельности Сергея Левченко на посту губернатора Иркутской области. ТАСС. 12.12.2019. URL: <https://tass.ru/info/7335465> (дата обращения: 26.03.2025).

²⁹ Эксперты объяснили выпад иркутского губернатора Левченко против нацпроектов. Клуб регионов. 27.11.2019. URL: <http://club-rf.ru/38/detail/3630> (дата обращения: 26.03.2025).

³⁰ Кокко Д. Экс-губернатор Сергей Левченко о конфликте с Кремлем, Фургале, Путине и партии власти. Свободная Пресса. 12.07.2020. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/270625/> (дата обращения: 26.03.2025).

³¹ Эксперты оценили решение иркутского губернатора Кобзева вступить в ЕР. Клуб регионов. 26.11.2021. URL: <http://m.club-rf.ru/38/detail/5913> (дата обращения: 26.03.2025).

³² Губернаторы: 2020 год. Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/10246/> (дата обращения: 26.03.2025).

³³ Лавский В. Преемник без преемственности. Коммерсантъ. 21.08.2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2005455> (дата обращения: 27.03.2025).

А. В. Терешкова охарактеризовала это решение как «пощечину», а депутат городского Совета Д. В. Прибаловец высмеял прогнозы экспертов и отметил пренебрежительное отношение Администрации Президента РФ к региону³⁴. Также вице-спикер новосибирского Заксобрания выразил сомнения относительно управленческого опыта А. А. Травникова, считая его недостаточным для региона. Действительно, А. А. Травников был фигурой со стороны, не имел серьезного политического веса в регионе и занимал лишь 76 место в рейтинге влияния глав субъектов РФ³⁵.

Политический режим в Кемеровской области нельзя отнести к демократическому, однако при этом в регионе не сложилась система преемственности власти. Долгое время управление областью находилось в руках А. Г. Тулеева, который занимал пост губернатора с 1 июля 1997 г. по 1 апреля 2018 г., т. е. в течение 21 года. Этот срок является одним из самых продолжительных среди глав российских регионов. За годы правления А. Г. Тулеев сумел создать жесткую вертикаль власти, сосредоточив контроль над всеми ключевыми политическими институтами и обеспечив лояльность региональных элит через систему взаимных обязательств³⁶. В частности, наиболее тесные связи приписывались компании «Сибирский деловой союз», в чьей собственности находились угольные разрезы, крупные промышленные предприятия, аэропорт Кемерово, ликеро-водочные заводы, строительные фирмы и другие активы. В условиях персоналистского режима появление преемника было фактически исключено.

В 2018 г. губернатором Кемеровской области стал «варяг» С. Е. Цивилев, победивший на досрочных выборах. После вступления в должность он инициировал кадровые перестановки, направленные на устранение представителей бизнес-структур, связанных с экс-губернатором А. Г. Тулеевым. В частности, С. Е. Цивилев уволил четырех заместителей, а еще девять чиновников оставил в статусе «и. о.» до выборов. При нем был обновлен состав правительства и изменена его структура. Согласно докладу ЦПК,

ему удалось отстранить прежнюю политическую элиту от управления регионом³⁷. Кроме того, были предприняты шаги по формированию преемственности власти. Это подтверждает карьерный рост нынешнего губернатора И. В. Середука, который при С. Е. Цивилеве сначала занял пост мэра Кемерово, а в 2022 г. стал первым заместителем и председателем правительства Кузбасса, специально созданного в этом же году.

Следует отметить, что во всех трех регионах руководителями стали губернаторы-«варяги», что соответствует общей тенденции массовой ротации глав субъектов в 2016–2019 гг. За этот период были заменены 57 губернаторов в 52 регионах, что охватило две трети субъектов РФ. В Иркутской и Новосибирской областях не могло сформироваться культа личности в силу демократичности региональных политических режимов. Разговоры о культе личности можно вести только в случае бывшего губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева. Однако с приходом С. Е. Цивилева культ личности закончился. К тому же в условиях замены на губернаторов-«варягов» выстраивание культа личности видится сомнительным. У них нет такой связи с регионом, какой обладает, например, Р. Н. Минниханов, у которого имеется собственная медиакомпания «Татмедиа», полностью принадлежащая региональной власти.

В рейтинге «Медиалогии» указанные губернаторы активно конкурируют между собой. Так, в 2019 г. лидером среди глав регионов СФО стал С. Е. Цивилев, что объясняется такими инфоповодами, как открытие «Сквера Ангелов», визит в Киселевск после обращения жителей к премьер-министру Канады, а также проведение пресс-конференций и совещаний³⁸. Однако уже в 2020 г. на первые две строчки поднялись И. И. Кобзев и А. А. Травников, а С. Е. Цивилев опустился на четвертую позицию. В 2021 г. губернатор Кемеровской области вновь возглавил рейтинг, что было связано с негативными событиями в регионе³⁹. Аналогичная ситуация наблюдается и у И. И. Кобзева, чья медийная активность усилилась из-за разлива нефтепродуктов и авиакатастрофы.

³⁴ Иванова Е. «Это пощечина» – местные политические элиты о назначении Травникова врио губернатора НСО. *Независимый общественный мониторинг*. URL: https://nom24.ru/info/region_news/eto_poschychchina_mestnye_politicheskie_elity_o_naznachenii_travnikova_vrio_gubernatora_nso/ (дата обращения: 27.03.2025).

³⁵ Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в октябре 2017 года. АПЭК. 07.11.2017. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=4221 (дата обращения: 27.03.2025).

³⁶ Три причины, по которым Аман Тулеев 20 лет продержался у власти. *Новые известия*. 02.04.2018. URL: <https://newizv.ru/news/2018-04-02/tri-prichiny-po-kotorym-aman-tuleev-20-let-proderzhalsya-u-vlasti-264827> (дата обращения: 27.03.2025).

³⁷ Сергей Цивилев. Технологичный командир. ЦПК. 06.06.2019. URL: <https://cprk.ru/issledovaniya/gubernatory-novoy-volny/sergey-tsvilev-tekhnologichnyy-komandir/> (дата обращения: 27.03.2025).

³⁸ Губернаторы: 2019 год. *Медиалогия*. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/7108/> (дата обращения: 28.03.2025).

³⁹ Губернаторы: 2021 год. *Медиалогия*. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/10814/> (дата обращения: 28.03.2025).

Судя по комментариям к рейтингу, С. Е. Цивилев воспринимается как «решатель проблем». У губернатора А. А. Травникова информационные поводы носят более позитивный характер.

Согласно ЦПК, основная тенденция в подборе руководящих кадров на пост главы региона связана с бюрократической профессионализацией, что характерно и для субъектов СФО⁴⁰. Кадровая политика губернаторов-«варягов» в целом мало отличается от подходов местных руководителей. Анализ команды С. Е. Цивилева на 2024 г., которая перешла к новому губернатору И. В. Середюку, показывает, что большинство ее членов – это местные кадры. Указанное соответствует заявлениям С. Е. Цивилева о ставке на региональных специалистов. Так, из 19 ключевых должностных лиц правительства Кузбасса, назначенных при С. Е. Цивилеве, 94,74 % были новыми кадрами, а доля местных составила 89,50 % (17 из 19 человек). Единственным «варягом» оказался первый заместитель А. А. Панов, уроженец Якутска. Эксперты в беседе с «ФедералПресс» отметили, что с высокой вероятностью часть чиновников из правительства Кузбасса может перейти на федеральный уровень⁴¹.

Исследуя кадровую политику в Новосибирской области, авторы провели анализ состава правительства, опираясь на данные постановления Губернатора Новосибирской области № 195 от 15.10.2023⁴². Изучая биографии и карьерные пути заместителей губернатора и министров региона, мы подсчитали, что местные кадры составляют основную долю (83,33 %). К «варягам» были отнесены лишь четыре человека: Лев Решетников, Татьяна Деркач, Дмитрий Богомоллов и Константин Хальзов, что соответствует 16,67 %. В своих заявлениях губернатор подчеркивал важность решения текущих задач, отмечая, что структура правительства, созданная в 2017 г., подтвердила свою результативность.

Губернатор И. И. Кобзев, возглавив регион, сразу приступил к реформированию структуры правительства и проведению масштабных кадровых перестановок. Одним из его первых шагов стал аудит кадровой политики предшественника С. Г. Левченко в рамках проекта «Народное правительство», направленного на повышение эффективности работы государственного аппарата. В результате в правительство

вошли новые ключевые фигуры, включая бывшего мэра Иркутска Д. В. Бердникова и экс-главу регионального ФНС К. Б. Зайцева, который был назначен первым заместителем губернатора и председателем правительства области⁴³. Эти шаги свидетельствуют о стремлении И. И. Кобзева интегрироваться в местную элиту и сгладить традиционный для Иркутской области конфликт между городскими и областными властями.

Также следует отметить, что в правительстве Иркутской области доля «варягов» выше, чем в Новосибирской и Кемеровской областях. Из 25 членов правительства 18 являются местными кадрами, а 6 – «варягами», что составляет 73 и 23 % соответственно. Так, губернатор активно опирается на местные кадры, что можно рассматривать как оптимальную стратегию для «варягов», стремящихся к эффективному управлению регионом. Кроме того, прослеживается схожесть управленческих действий губернаторов-«варягов» в этих трех регионах, что свидетельствует об унифицированном подходе к региональному управлению, продвигаемому федеральным центром. Высокая доля местных кадров демонстрирует, что различия в стилях управления постепенно стираются, а процесс технократизации охватывает все регионы, способствуя их стандартизации.

Рассматривая взаимодействие между губернатором, правительством, парламентом и органами местного самоуправления, стоит отметить, что в Кемеровской области отношения между губернатором и парламентом сформировались еще во времена А. Г. Тулеева и не отличались равноправием или партнерством. А. Г. Тулеев целенаправленно продвигал в парламент представителей бюджетной сферы, которые находились под его полным влиянием [24; 30]. При губернаторстве С. Е. Цивилева парламент сохранил прежний статус, но был переименован в Законодательное собрание Кемеровской области после единогласных поправок к Закону Кемеровской области – Кузбасса № 1-ОЗ от 19.01.2004. Отмечаются попытки вытеснить местные элиты, поддерживая бизнес-элику второго и третьего эшелонов вместо опытных политиков. В 2023–2024 гг. мандаты сложили Николай Ильин, Ростислав Бардокин, Татьяна Алексеева и Василий Борисов. Новым депутатом стал

⁴⁰ Губернаторы новой волны (2017–2020). ЦПК. 18.09.2020. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/gubernatory-novoy-volny/gubernatory-novoy-volny-2017-2020/> (дата обращения: 29.03.2025).

⁴¹ Поторочин Е. «Реинкарнация Тулеева»: что происходит в правительстве Кузбасса. *ФедералПресс*. 10.03.2025. URL: <https://fedpress.ru/article/3367691> (дата обращения: 29.03.2025).

⁴² О Правительстве Новосибирской области. Постановление Губернатора Новосибирской области № 195 от 15.10.2023. *СПС Кодекс*.

⁴³ Борьба с бездельниками и коррупцией: Игорь Кобзев наводит порядок в кадрах Иркутской области. *IRK.ru*. 06.08.2020. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20200806/clean/> (дата обращения: 30.03.2025).

Роман Григорьев, глава ООО «Консалтинговая группа бизнес-технологии», занимающийся разработкой ПО и консультированием.

Экономическое состояние Кемеровской области оказывает значительное влияние на политический статус губернатора региона. Как отметила Наталья Зубаревич, при губернаторе С. Е. Цивилеве в Кузбассе не было достигнуто заметных экономических успехов⁴⁴. Более того, в 2024 г. угольная промышленность региона пережила глубокий кризис. Доля обрабатывающей промышленности в структуре экономики снизилась с 17,1 % в 2019 г. до 12,4 % в 2024 г., а аналогичная тенденция наблюдается и в добыче полезных ископаемых. Производство угля сократилось с 98,6 % в 2023 г. до 91,7 % в 2024 г. (на 6,9 %), хотя в 2019–2023 гг. этот показатель оставался относительно стабильным. Производство ферросилиция также резко упало: с 99,3 % в 2023 г. до 77,0 % в 2024 г. (на 22,3 п. п.)⁴⁵. Кризис был усугублен снижением доли добычи полезных ископаемых в структуре ВРП, вызванным санкциями и зависимостью от внешних рынков, а также уменьшением доли обрабатывающей промышленности.

Снижение объемов добычи угля приводит к уменьшению выручки угольных компаний, что, в свою очередь, сокращает налоговые поступления в бюджет Кемеровской области. В 2024 г. налог на прибыль, который в основном формируется за счет добычи полезных ископаемых, металлургии и химической промышленности, составил 42,6 % налоговых доходов региона, а НДФЛ – 31,1 %⁴⁶. По словам губернатора И. В. Середюка, большинство угольных предприятий работают с убытками: за первое полугодие 2024 г. их убытки достигли 64 млрд руб., тогда как в 2023 г. они составляли лишь 19 млрд руб.⁴⁷ Указанное имеет серьезное значение, т.к. снижение налоговых поступлений приводит к дефициту бюджета. В условиях кризиса угольной отрасли и стагнации обрабатывающих производств это создает риски для социальной стабильности, состояния инфраструктуры и финансовой устойчивости региона.

Экономическое положение региона оказывает значительное влияние на политический статус его

руководителя. Как правило, регионы-доноры обладают большей автономией и влиянием, что позволяет их главам проводить более независимую политику. В то же время дотационные субъекты находятся под усиленным контролем федерального центра, что ограничивает самостоятельность их руководителей.

Инструменты и механизмы влияния федерального центра на глав регионов

Федеральный центр располагает разнообразными инструментами воздействия на глав субъектов РФ в условиях усиливающейся централизации власти. Эти механизмы охватывают широкий спектр – от процедуры назначения губернаторов до распределения финансовых ресурсов и контроля над информационным пространством. Однако степень воздействия может значительно различаться в зависимости от социально-экономического положения региона и его политической специфики. Федеративное устройство России основано на принципах асимметричной федерации, что подразумевает изначальное неравенство субъектов федерации в их конституционном статусе и объеме полномочий. Кроме того, взаимодействие между регионами и федеральным центром носит вариативный характер. При этом ст. 5 Конституции РФ декларирует принцип симметричной федерации, что создает противоречие между формально закрепленными нормами и фактической практикой. В условиях стремительно меняющейся политической и социальной реальности такое положение часто порождает значительные противоречия. Российская модель федерализма представляет собой открытую форму асимметричной федерации, в рамках которой участвуют исключительно субъекты федерации, а сама асимметрия выражается в различии их правового статуса.

За последние два десятилетия в российской модели федерализма усилились процессы централизации, что привело к формированию двух параллельных вертикалей, а именно президентской и региональной [22]. Это сопровождалось ростом значения административного ресурса и усилением иерархичности власти, что, в свою очередь, способствовало

⁴⁴ Левчук А. «Что он тут сделать сможет?»...

⁴⁵ Итоги социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса за 9 месяцев 2023 года. URL: <https://ako.ru/upload/medialibrary/db0/thdvmuur9oi1gr1b101p4c2ia3j0zpq/Итоги%20социально-экономического%20развития%20Кемеровской%20области%20-%20Кузбасса%20за%209%20месяцев%202023%20года.pdf>; Итоги социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса за 9 месяцев 2024 года. URL: https://economy.kemobl.ru/upload/Серёдкина%20И/Итоги_социально_экономического_развития_Кемеровской_области_Кузбасса.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

⁴⁶ Бюджет для граждан Кузбасса 2024–2026. Просто о цифрах областного бюджета Кузбасса 2024–2026 гг. Министерство финансов Кузбасса, 2023. URL: https://www.ofukem.ru/upload/iblock/10d/j05648ki7ncxh4y1hoong5j8yw2bu6wh/bg2024_2026_117.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

⁴⁷ Гуськова Е. «Самое большое падение доходов в России»: бюджет Кузбасса недополучил более 33 млрд рублей налогов за полгода. NGS42.RU. 27.09.2024. URL: <https://ngs42.ru/text/economics/2024/09/27/74145989/> (дата обращения: 03.04.2025).

сохранению авторитарных политических режимов на региональном уровне. Кроме того, процессы централизации сопровождаются существенными элементами унитаризма в отношениях между федеральными и региональными органами публичной власти. В условиях подобной системы для региональных лидеров особую значимость приобретает умение выстраивать договорные отношения не только с федеральным центром, но и с местной бизнес-элитой, парламентом и фракциями в региональных законодательных собраниях.

Существуют весомые предпосылки, определяющие асимметричный характер российского федерализма. Россия представляет собой крупнейшую в мире федерацию как по территории, так и по количеству субъектов, при этом ее регионы существенно различаются между собой по демографическим показателям, этническому составу, экономическому устройству и историко-культурным особенностям. Такая неоднородность в сочетании с колоссальной географической протяженностью страны порождает множество вызовов в системе взаимодействия между федеральным центром и регионами [31]. В этих условиях федеральная власть вынуждена применять гибкие и разноплановые механизмы управления, что делает реализацию симметричной модели федерации в России практически невозможной.

Отмеченное актуально для территорий с особыми управленческими и экономическими условиями, например субъектов СФО, где заметна активность финансово-промышленных групп. Ключевые характеристики интегрированной модели управления в России включают гибридность (сочетание формальных институтов федерализма с фактической практикой унитарного управления [15]); иерархичность (строгая вертикаль власти, охватывающая все уровни государственного управления); контролирующую автономию (предоставление регионам ограниченной инициативы в пределах жестко очерченных федеральных рамок).

Для 2010–2020 гг. характерна управляемая децентрализация: формальное возвращение прямых выборов глав регионов с введением муниципального фильтра; рост числа губернаторов-«варягов» в губернаторском корпусе 2016–2020 гг. с унификацией подхода к управлению регионами; укрепление роли партии «Единая Россия» в качестве главного проводника федеральной политики в регионах, включая протестные регионы, такие как Иркутская область.

Тема разделения предметов ведения и полномочий между федеральным центром, регионами и муниципалитетами занимает центральное место в анализе современного федеративного устройства России. В большинстве федеративных государств распределение компетенций закреплено в конституции и делится на три уровня: федеральный (оборона, внешняя политика, экономика), совместного ведения (безопасность, социальная сфера) и региональный (культура, религия, язык, организация власти субъектов). Примечательно, что обычно федеральный центр регулирует только структуру органов федеральной власти, однако в России он определяет общую систему организации органов власти всех уровней.

Установление совместной компетенции между РФ и ее субъектами сталкивается с проблемами, связанными с потенциальными конфликтами интересов. Субъекты имеют право на «опережающее» законодотворчество в рамках совместного ведения при отсутствии федерального законодательства, что вызывает опасения относительно возможного расширения региональной автономии за пределы установленных полномочий в ущерб интересам федерации⁴⁸. При разграничении полномочий между центром и регионами по конкретным областям сложности возникают в экономической и социальной сферах. Так, в экономике регионы отвечают за свое развитие, однако их полномочия требуют обеспечения достаточными налоговыми доходами.

Разделение предметов ведения и полномочий между органами власти РФ и ее субъектами играет центральную роль в развитии российского федерализма, формируя их конституционно-правовой статус и воздействуя на процессы государственного строительства. Оно способствует укреплению федерализма, стабилизации государственности, равноправию субъектов в отношениях с федеральным центром, справедливому распределению ресурсов, снижению конфликтности и обеспечению прав граждан. Компетенции субъектов подробно прописаны в их конституциях и уставах, но стремление регионов к унитаризму часто вызывает противоречия с Конституцией РФ и федеральными законами.

Асимметричность федеративного устройства РФ требует выстраивания отношений между федеральным центром и субъектами с учетом региональных особенностей, их положения в политической системе и уровня социально-экономического развития. Такое сопоставление позволяет выявить, как инструменты

⁴⁸ Махмадиев Р. Особенности федерализма в России сквозь призму проблематики разграничения предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами. *zakon.ru*. 09.11.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/09/osobennosti_federalizma_v_rossii (дата обращения: 06.04.2025).

влияния центра адаптируются к статусу, ресурсам и управленческим традициям региона. К ключевым инструментам и механизмам влияния относятся: финансовые рычаги (межбюджетные трансферты, перераспределение налогов, бюджетное регулирование); кадровые решения; силовой контроль (ФСБ, Следственный комитет, прокуратура, подчиненные центру и воздействующие на региональные элиты).

Бюджеты публично-правовых образований составляют ключевую часть государственных и муниципальных финансов. Анализ их доходов и расходов представляет собой сложный и трудоемкий процесс. Межбюджетные трансферты играют центральную роль в перераспределительных отношениях, а их регулирование закреплено в Бюджетном кодексе РФ. Как правило, они предоставляются местным бюджетам в форме субвенций и дотаций. В российской практике преобладает централизованная модель, отличающаяся низкой самостоятельностью регионов, где выполнение региональных обязательств обеспечивается через межбюджетное перераспределение полномочий. Ее достоинства заключаются в реализации единой государственной политики и сокращении различий в социально-экономическом развитии регионов [24].

Вопрос межбюджетных трансфертов занимает ключевое место в системе межуровневых финансовых отношений, т.к. именно уровень финансовой самостоятельности регионов напрямую влияет на степень их политической автономии. Как подчеркивает генеральный директор АПЭК и координатор экспертного клуба «Регион», проблема критериев распределения федеральных средств остается актуальной для региональной политической повестки⁴⁹. С приходом С. Е. Цивилева на пост губернатора Кемеровской области в 2018 г. наблюдался устойчивый рост объемов межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. В 2017 г. их сумма составляла 21956,4 млн руб., а в 2018 г., с началом работы нового руководителя, объем составил 20469,2 млн руб., включая 8483,6 млн руб. дотаций. В 2019 г. финансирование значительно увеличилось – до 29937,9 млн руб., при этом дотации достигли 9026,9 млн руб. Эта

динамика может указывать на усиление поддержки региона со стороны федерального центра после смены руководства⁵⁰. Данный тренд подтверждается и в последующие годы: к 2023 г. объем межбюджетных трансфертов вырос до 38749,95 млн руб.⁵¹

Политическая лояльность С. Е. Цивилева федеральному центру не вызывает сомнений, особенно на фоне политической нестабильности в Кемеровской области после ухода А. Г. Тулеева с поста губернатора. Политическая лояльность оказывает заметное влияние на объемы межбюджетных трансфертов, что ярко прослеживается на примере Иркутской области. В период, когда губернатором был представитель КППРФ С. Г. Левченко, наблюдался сдержанный рост объемов федеральной поддержки: с 2015 по 2017 гг. трансферты увеличились на более чем 25 %, с 9,9 до 12,7 млрд руб. Однако затем началось их устойчивое снижение, что, вероятно, связано с нарастающим напряжением между губернатором и федеральным центром. В 2018 г. политический конфликт между губернатором и центром приобрел публичный характер. Кроме того, против С. Г. Левченко развернулась масштабная медийная кампания на федеральном уровне, в частности, в связи с так называемым «охотничьим скандалом», который активно освещался в СМИ (было зафиксировано 73 упоминания губернатора в этом контексте)⁵². Большая часть сообщений вышли на «Первом» канале и канале «Россия». Это говорит об отсутствии стратегии двунаправленного финансирования (поддержка как лояльных, так и оппозиционных регионов) при распределении бюджетных средств между регионами. Вместо этого наблюдается увеличение поддержки лояльных регионов.

Кадровая политика играет ключевую роль в контроле над формированием региональных элит и местных администраций, особенно в условиях высокой неоднородности российских регионов. Федеральные нормы нередко накладываются на разные модели политической культуры, структуру элит и управленческие традиции, что требует от центра учета этих особенностей при выстраивании вертикали власти [1]. Одним из важнейших элементов

⁴⁹ Орлов Д. Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в июле 2020 года. *Региональные комментарии*. 05.08.2020. URL: <https://regcomment.ru/ratings/rejting-vliyaniya-glav-subektov-rf-rossijskie-regiony-i-regionalnaya-politika-v-iyule-2020-goda/> (дата обращения: 08.04.2025).

⁵⁰ Бюджет для граждан Кемеровской области – Кузбасса за 2019 год. *Министерство финансов Кузбасса*. URL: https://www.ofukem.ru/upload/iblock/a2d/bg_pr_isp_2019.pdf (дата обращения: 08.04.2025).

⁵¹ Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 145-ОЗ от 15.12.2022 (с изм. на 21.12.2023). *СПС Кодекс*.

⁵² Информационная война федеральных телеканалов против губернатора Иркутской области С. Левченко. Данные за 27 декабря 2018 г. – 14 января 2019 г. *Центр исследований политической культуры России*. 18.01.2019. URL: <https://cipkr.ru/2019/01/18/informatsionnaya-vojna-federalnyh-telekanalov-protiv-gubernatora-irkutskoj-oblasti-s-levchenko-dannye-za-27-dekabrya-2018-g-14-yanvarya-2019-g/> (дата обращения: 09.04.2025).

в этом процессе является зависимое положение губернатора, который, следуя интересам федерального центра, должен обеспечивать преемственность кадрового состава.

Механизм унификации действует как в отборе губернаторов, так и в организации их деятельности. В результате областные администрации во многом ориентированы на Москву, поскольку ключевые кадровые назначения происходят при согласовании с профильными федеральными ведомствами. Федеральный центр при этом делает акцент на двух главных факторах – уровне управляемости региона (чем он выше, тем больше возможности привлекать представителей местных элит в органы власти) и степени консолидации элит (сюда входит устойчивость внутриэлитного баланса и учет специфических факторов, например этнического).

В настоящее время основной целью кадровой политики является формирование квалифицированного кадрового корпуса и эффективное использование кадрового потенциала. На текущем этапе развития отношений *федеральный центр – регионы* федеральные власти влияют на назначение главы региона и глав силовых ведомств, формирование местного парламента и состава правительств. Стоит отметить, что единой логики и критериев кадровых решений нет, т.к. в похожих ситуациях зачастую принимаются диаметрально противоположные решения. К тому же управленческие реформы 2000-х гг. привели к созданию параллельных управленческих вертикалей, которые влияют на кадровые назначения. Эти вертикали ориентированы на федеральный центр.

К числу наиболее значимых должностей в системе исполнительной и законодательной власти региона относятся губернатор, глава муниципального образования, председатель регионального парламента, главный федеральный инспектор, а также руководители силовых структур (ФСБ, МВД, прокуратуры и Следственного комитета). Процесс назначения губернаторов в России, как правило, включает активное участие полномочных представителей президента в федеральных округах. Они собирают информацию о потенциальных кандидатах и передают ее в Администрацию Президента РФ, где проводится отбор и формируется

предложение о назначении, которое затем направляется на утверждение в региональный парламента. В рамках кадровой политики федеральный центр активно развивает инструменты подготовки управленцев. Одним из ключевых механизмов стала программа «Школа губернаторов», созданная в 2017 г. по поручению президента. С момента запуска через нее прошли десятки перспективных управленцев, и уже 57 выпускников стали главами российских регионов⁵³. Программа ценна своим системным подходом к обучению и подготовкой управленцев высшего звена на основе проверенной методологии и опыта формирования эффективной элиты.

В СФО ряд губернаторов прошли обучение по данной программе. Среди ее выпускников можно отметить бывшего губернатора Кемеровской области, а ныне министра энергетики России С. Е. Цивилева⁵⁴. Также эту школу окончил губернатор В. В. Мазур, который стал первым представителем пятого потока, занявшим пост главы региона. К числу выпускников относятся также руководитель Красноярского края М. М. Котюков и глава Омской области В. П. Хоценко. Можно отметить, что за 2018–2024 гг. около 40 % губернаторов СФО прошли обучение в этой школе.

В 2019 г. Указом Президента Российской Федерации № 193 от 25.04.2019 была введена система оценки эффективности губернаторов (KPI), ориентированная на реализацию национальных проектов и майских указов 2018 г. Ключевым показателем стал уровень доверия граждан к власти, который измеряется Фондом «Общественное мнение» при участии Федеральной налоговой службы и других социологических организаций. Однако возникают сомнения в объективности показателей, которые зависят от национальных проектов⁵⁵. В 2022 г. премьер-министр М. В. Мишустин утвердил изменения в 6 методиках оценки, включая показатели по утилизации отходов и уровню цифровой зрелости. В настоящее время работа губернаторов оценивается по 38 методикам, значительная часть которых связана с определением приоритетных направлений социально-экономического развития.

Силовой контроль за региональными элитами направлен на регулирование формирования исполнительной власти в регионах. Силовые структуры

⁵³ Путин провел встречу с выпускниками «школы губернаторов». *РБК*. 28.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/667ef8e99a7947ac78fa83bc> (дата обращения: 10.04.2025).

⁵⁴ Гончаров Г. Политолог назвал школу губернаторов всероссийской кузницей кадров. *LENТА.RU*. 21.04.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/04/21/schgov/> (дата обращения: 10.04.2025).

⁵⁵ В России изменили критерии оценки эффективности работы губернаторов. *Новый проспект*. 05.06.2022. URL: <https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/v-rossii-izmenili-kriterii-otsenki-effektivnosti-raboty-gubernatorov/> (дата обращения: 10.04.2025).

применяют системный подход к надзору за этими элитами, инициируя уголовные дела против ключевых фигур из окружения губернаторов после их смены. Задержания и чистки носят выборочный характер и согласовываются с Администрацией Президента РФ, что свидетельствует о продуманной стратегии, а не о хаотичных действиях. Согласно данным фонда «Петербургская политика», уровень доверия элит к обоснованности таких преследований остается невысоким, хотя в 2018–2019 гг. давление на высших чиновников (членов правительства и глав регионов) несколько ослабло⁵⁶.

Заключение

За последнее десятилетие произошла существенная трансформация статуса и полномочий глав субъектов федерации, характеризующаяся усилением централизации власти при формальном сохранении элементов федеративного устройства. Ключевые законодательные изменения, включая ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021 и введение механизма муниципального фильтра, значительно ограничили политическую автономию регионов, превратив губернаторов из самостоятельных политических акторов в администраторов, ответственных прежде всего за реализацию федеральной повестки. При этом анализ практики управления в различных субъектах СФО демонстрирует сохранение существенных региональных различий – от авторитарной модели Кузбасса до более конкурентной среды Иркутской области и экономически развитого Новосибирска.

Особое значение приобретает взаимосвязь экономического положения регионов и политической устойчивости губернаторов, где кризисные явления в ключевых отраслях (как в угольной промышленности Кузбасса) напрямую влияют на стабильность региональной власти. Современные тенденции, включая систему KPI, программу «Школа губернаторов» и усиление силового контроля, свидетельствуют о дальнейшем укреплении вертикали власти при одновременном поиске баланса между централизацией и необходимостью учета региональной специфики. В условиях новых экономических и политических вызовов институт губернаторства продолжает эволюционировать, сохраняя свою ключевую роль связующего звена между федеральным центром и субъектами федерации, но в рамках более жестко регламентированной системы управления.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Кынев А. В. Двадцатилетие путинской избирательной реформы: зигзаги, превратившиеся в круговорот. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2020. № 1. С. 62–75. [Kynev A. V. Twenty Years of Putin's electoral reform: Zigzags that turned into a cycle. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kulture*, 2020, (1): 62–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkdnbf>
2. Романовский А. А. Основные тенденции ротации губернаторского корпуса в регионах Сибирского федерального округа. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2023. Т. 44. С. 12–20. [Romanovsky A. A. The main trends in the rotation of the governor's corps in the regions of the Siberian Federal District. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2023, 44: 12–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.12>
3. Туровский Р. Ф., Луизидис Е. М. Факторы губернаторских отставок в России. *Полис. Политические исследования*. 2022. № 4. С. 161–178. [Turovsky R. F., Luizidis E. M. Exploring the causes of gubernatorial resignations in Russia. *Polis. Political Studies*, 2022, (4): 161–178. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.13>
4. Туровский Р. Ф., Сухова М. С. Вызовы региональной социально-экономической поляризации в России: успешна ли государственная политика? *Политическая наука*. 2024. № 1. С. 14–50. [Turovsky R. F., Sukhova M. S. Challenges of regional socio-economic polarization in Russia: Is the state policy successful? *Political Science*, 2024, (1): 14–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/poln/2024.01.01>

⁵⁶ Борьба с «внутренними оборотнями»: «чистки» чиновничества в современной России. Топ-250 претензий правоохранительных органов. *Петербургская политика*, 2019. URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-top250-criminal-cases> (дата обращения: 10.04.2025).

5. Крыштановская О. В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2020. № 5. С. 117–134. [Kryshchanovskaya O. V. The key trends in forming the governance elite in Russia in 2020–2030. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences*, 2020, (5): 117–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ruspvk>
6. Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политической интеграции. М.: ВШЭ, 2006. 398 с. [Turovsky R. F. *The center and the regions: Problems of political integration*. Moscow: HSE, 2006, 398. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qogghb>
7. Гаман-Голутвина О. В. Российские элиты объект исследования в отечественной политической науке. *Политическая наука*. 2016. № 2. С. 38–73. [Gaman-Golutvina O. V. Political elites as an object of research in national political science. *Political Science*, 2016, (2): 38–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twyhto>
8. Абрамов В. И., Андреев В. Д. Концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 238–248. [Abramov V. I., Andreev V. D. Concept of the integrated digital ecosystem architecture of the Kemerovo region featuring mechanism of data collection. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 238–248. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-238-248>
9. Бирюков С. В., Чирун С. Н., Андреев А. В. Цифровое управление: поиск новых моделей государственного управления в современной ситуации. *PolitBook*. 2025. № 4. С. 6–20. [Biryukov S. V., Chirun S. N., Andreev A. V. Digital governance: Searching for new models of public administration in the current situation. *PolitBook*, 2025, (4): 6–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/beyxlp>
10. Булатов А. Г. Каналы рекрутирования высшей административной элиты России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. Т. 9. № 5. С. 39–42. [Bulatov A. G. Recruitment channels of the highest administrative elite of Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2019, 9(5): 39–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-5-39-42>
11. Быстрова А. С. Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты российской федерации. *Власть и элиты*. 2023. Т. 10. № 1. С. 98–138. [Bystrova A. S. Regional differences in the career trajectories of representatives of the regional political elite of the Russian Federation. *Power and Elites*, 2023, 10(1): 98–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>
12. Тев Д. Б. Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности. *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 130–146. [Tev D. B. Federal administrative elite of Russia: Features of a career after leaving office. *Polis. Political Studies*, 2023, (1): 130–146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>
13. Пустовойт Ю. А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах. *Полис. Политические исследования*. 2019. № 4. С. 104–118. [Pustovoyt Yu. A. How the regime is created: Power coalitions in Siberian cities. *Polis. Political Studies*, 2019, (4): 104–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>
14. Черкасская Г. В. Качество региональной элиты как фактор устойчивости региональной экономической системы. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2023. № 5. С. 31–39. [Cherkasskaya G. V. The quality of the regional elite as a factor of stability of the regional economic system. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2023, (5): 31–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2023-5-31-39>
15. Gelman V. Constitution, authoritarianism, and bad governance: The case of Russia. *Russian Politics*, 2021, 6(1): 71–90. <https://doi.org/10.30965/24518921-00601005>
16. Miller A. I. Russian federalism and the rehabilitation of the empire. *Russia in Global Affairs*, 2025, 23(1): 31–42. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-1-31-42>
17. Завершинский К. Ф. «Поколения элит» vs «элита поколений»: коммуникативные измерения социализации политических элит. *Власть и элиты*. 2021. Т. 8. № 1. С. 123–147. [Zavershinskiy K. F. "Generations of elites" vs "elite of generations": Communicative dimensions of political elite's socialization. *Power and Elites*, 2021, 8(1): 123–147. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.5>
18. Кочетков А. П., Моисеев В. В. Российская политическая элита как субъект социально-экономической политики. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. С. 244–256. [Kochetkov A. P., Moiseev V. V. Russian political elite as a subject of socioeconomic policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, (57): 244–256. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/1998863X/57/23>

19. Левин С. Н., Кислицын Д. В., Сурцева А. А. Институциональная организация регионов ресурсного типа в России: общая характеристика и структурные сдвиги в экономике. *Журнал институциональных исследований*. 2019. Т. 11. № 4. С. 61–76. [Levin S. N., Kislitsyn D. V., Surtseva A. A. Institutional organization of resource-type regions in Russia: General description and structural shift in the economy. *Journal of Institutional Studies*, 2019, 11(4): 61–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.061-076>
20. Мартыанов В. С. Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти. *Дискурс-Пи*. 2020. Т. 17. № 4. С. 54–67. [Martianov V. S. Russian elite in search of a nation: Selective memory politics. *Discourse-P*, 2020, 17(4): 54–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syexdc>
21. Шевченко Е. А. Развитие взаимодействия власти и бизнеса в современной России. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 3. № 4. С. 46–51. [Shevchenko E. A. Development of interactions of government and business in modern Russia. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2021, 3(4): 46–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.04.03.006>
22. Попенко А. В., Слинько А. А. Современные модели взаимодействия бизнеса и власти в России. *Регион: системы, экономика, управление*. 2018. № 1. С. 177–182. [Popenko A. V., Slinko A. A. Modern models of interaction between business and government in Russia. *Region: Sistemy, ekonomika, upravlenie*, 2018, (1): 177–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvozqq>
23. Пятков М. О., Чирун С. Н. Политические аспекты взаимодействия власти и бизнеса в условиях регионов ресурсного типа. *Власть*. 2025. Т. 33. № 5. С. 162–169. [Pyatkov M. O., Chirun S. N. Political dimensions of state-business relations in resource-based regions. *Vlast'*, 2025, 33(5): 162–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-5-162-169>
24. Чирун С. Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области. *Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 44. С. 253–268. [Chirun S. N. Problems of the functioning of the regional political regime on the example of Kemerovo oblast. *Vestnik TGU. Filosofii. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, (44): 253–268. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/1998863X/44/24>
25. Туровский Р. Ф., Сухова М. С. Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2021. № 2. С. 121–143. [Turovsky R. F., Sukhova M. S. Co-optation of opposition in Russian regional parliaments: Game that breaks rules. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2021, (2): 121–143. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>
26. Туровский Р. Ф., Сухова М. С. Партийные лидеры в регионах России: анализ логики отставок. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2022. № 3. С. 130–157. [Turovsky R. F., Sukhova M. S. Party leaders in the regions of Russia: Analyzing the logic of resignations. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2022, (3): 130–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-130-157>
27. Kynev A. The scandalous electoral victory of the governing party United Russia. *Euxeinos. Culture and Governance in the Black Sea Region*, 2023, 13(35): 8–14. <https://doi.org/10.55337/35.exnq9828>
28. Палитай И. С. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.). *Полис. Политические исследования*. 2022. № 4. С. 148–160. [Palitay I. S. The Russian political elite: Characteristics and dynamics (based on research materials dating from 2011 to 2021). *Polis. Political Studies*, 2022, (4): 148–160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.12>
29. Левин С. Н., Саблин К. С. Анклавы богатства в экономике России: субъекты и институты. *Журнал институциональных исследований*. 2023. Т. 15. № 4. С. 135–147. [Levin S. N., Sablin K. S. Wealth enclaves in the Russian economy: Actors and institutions. *Journal of Institutional Studies*, 2023, 15(4): 135–147. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.4.135-147>
30. Пятков М. О., Чирун С. Н. Проблемы эффективности взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти в регионах ресурсного типа. *Вестник Башкирского института социальных технологий*. 2025. № 2. С. 169–173. [Pyatkov M. O., Chirun S. N. Problems of efficiency of interaction between business structures and state authorities in resource-type regions. *Vestnik Bashkir Institute of Social Technologies*, 2025, (2): 169–173. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-2-67-169-173>
31. Kong L. Federalism: A comprehensive review of its evolution, typologies, and contemporary issues. *Encyclopedia*, 2025, 5(4). <https://doi.org/10.3390/encyclopedia5040156>